

С Игорем Малышевым я познакомился весьма интересным образом. Одна из библиотек пригласила орловских писателей поработать в жюри городского конкурса на лучшее литературное произведение, кажется, о родном Орле. Мне выпало судить работы участников младшей возрастной группы — школьников. И сразу же обратили на себя внимание две стихотворные заявки, подписанные одной фамилией, только возраст разный: второклассник и пятиклассник. Призовые места в итоге ребята заняли, подарки получили, а я поинтересовался у руководителя работ (оказался один у обоих): не родственники ли? Так и есть — братья Малышевы!

В писательской организации как раз прорабатывалась идея создания детской литературной студии, и я вышел на родителей талантливых мальчишек. Позвонил, поговорил с мамой, а пришел в дом писателей папа. Представился: Малышев Игорь Владимирович. Поговорили о детях, а уже в самом конце нашей встречи, видно, собравшись с духом, родитель неожиданно показал свои собственные стихи...

Всего два года понадобилось Игорю для того, чтобы стать победителем ежегодного Всероссийского открытого литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» в поэтической номинации. И заслужить в качестве оценки слова члена Высшего творческого совета Союза писателей России С.Л. Донбая: «Поэт! Хорошие, традиционные по форме, но свои стихи,

свой голос. Талант народный, жизненный, пропитан, наполнен опытом народа, русской культурой. Вот и стихи о любви настоящие».

Прошел еще год. Игорь по-прежнему занят своей серьезной основной работой, на стихи у него времени нет. Но разве поэту нужно свободное время, чтобы писать стихи? Они все равно напишутся сами.

И вот первая книга стихотворений Игоря Малышева. Пусть она небольшая. Поэт не заигрывает с читателем, не мудрит — прямо говорит то, что считает нужным сказать. Голос его чист, интонация естественна, мудрость глубинна.

А Игорю Малышеву есть, что сказать как литератору, ведь он пытается «вымерить жизнь по делам». Бог ему в помощь!

Андрей ФРОЛОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как весной возрождается жизнь
В колыбелях безмолвной природы,
Как мечта устремляется ввысь,
Износившись за долгие годы,

Так и я возвращаюсь к тебе
После поисков правильных истин,
Тыщу раз усомнившись в себе, —
Постаревшим, уставшим, но чистым.

Я, как путник, что, сбившись с пути,
Вдруг находит дорогу обратно.
Я к тебе возвращаюсь. Прости,
Как прощала уже многократно.

Пусть в заплечной суме — ничего,
Но и камня в груди больше нету.
Я узнал, что страшнее всего —
Не вернуться...
Как просто все это.

* * *

Пахнет сосновой стружкой,
Ржавчиной и смолой,
Выскобленной кормушкой,
Высушенной ботвой.

Пахнет борщом и мясом,
Тестом для пирогов,
Пахнет отцовским квасом,
Пряностями стогов.

Крашеной пахнет рамой —
Так, что под носом зуд;

Пахнет отцом и мамой,
Родиной пахнет тут!

Завтра уеду в город,
И растворится в нем
Запах, который дорог,
Запах с названием Дом.

* * *

В Москве не пишется.
Не знаю, почему!
Столичный дух не кажется пьянящим.
Я вижу здесь убогую страну,
Живущую убогим настоящим.

Век Золотой осел на куполах,
Серебряный — растаскан по музеям;
Век нынешний — от двух минувших прах,
Покрытый политическим елеем.

На улицах великих москвичей —
Чужая речь, неузнанные лица.
Не пишется в Москве.
Ну, хоть убей!
Не пишется, любимая столица!

Я лучше — в глушь, где воздух по утрам
Так густ и прян, что с рук напиток можно.
И дышится, и пишется мне там.
В Москве — не то.
Неискренно.
Тревожно.

В СТАРОМ ТРАМВАЕ

Старые москвички в стареньком трамвае
О своем, о бабьем, тянут разговор:
— Дочь вчера звонила...
— Ишь, не забывает. Где она?
— В Тюмени.
— Что ты! До сих пор?!
— Да, уже лет десять. Говорит, неплохо.
Вкальывает, правда, до ночи с утра.
— А мои — в Самаре. Тоже — слава Богу.
Не Тюмень, конечно, но и не дыра...

Помолчали. Тряско в стареньком трамвае.
Взвизгнула сирена где-то в стороне.
— Ты скажи мне, Соня, я не понимаю,
Что там обещает Прохоров стране?

— Сашенька, ну что он может дать народу?
Все, что сохранили, разметелит в прах.
Посмотри на эту новую породу —
Где ты видишь совесть? Он же олигарх...

— Да, совсем забыла: заходила Мила,
Говорит, что будто Зойка померла.
Ну, ты помнишь, та, что в «котике» ходила,
А потом напротив Зотовых жила...

Замолчали снова. Может, из-за Зойки,
Может, потому что просто вышел пар.
Двадцать третий номер шел по рельсам бойко,
Хоть и был, пожалуй, как москвички, стар.

СТРАНА

Резные ставенки, крылечки,
Густые заросли травы,
И всюду печки, печки, печки —
В ста километрах от Москвы.

У изб — размашистые ели,
Беседки, лавки... Но, увы,
Пустуют детские качели
В ста километрах от Москвы.

А что сказать, когда за тыщу,
А как стерпеть, когда за две —
В остывших трубах ветер свищет,
Накувыркавшись по траве?

В горах теряются закаты,
В озерах — отблески зари.
И в рыхлый мох вростают хаты
В трех километрах от Твери.

* * *

— Как мы живем? Живем неплохо.
Оно, конечно... как сказать.
Но в целом ежели, Антоха,
Жить можно, можно. Правда, мать?

Вот дали к пенсии прибавку,
Рублей сто семьдесят, поди...
Министра — слыхивал? — в отставку!
Жизнь лучше станет, погоди.

Нам хлеб возили раз в неделю,
Теперь, пожалелись, так — два!

При церкви сделали купелю,
А-то ведь старая — в дрова!

С «собеса», ента... Валька ходит.
Мы с ней, как водится, — чайку!
Как шефство к нам у ей, навроде,
А мне приятно, старику.

Да! Фельдшерицу отыскали!
А то уж год как никого.
Ей при медпункте угол дали —
С району ездить далеко.

Жить можно, можно...
Мы со старой
Уж отложили, почитай, —
Когда ребятам на подарок,
Когда себе на самый край.

Вот только знаешь что, Антоха,
Уж больно жалко молодежь.
Работы нету, вот что плохо,
Отсюда — пьют, ядрена вошь...

Замолк старик — припомнил были,
Хоть и придумать был мастак!
— А знаешь что, и мы ведь пили,
Да как-то, кажется, не так.

ДОРОГА

Мы смотрим с тобой на степи,
На голую плоть земли.
Колышется точкой стрепет
В колышущейся дали.
Колышется пол вагона
И выдувший чай сосед.
Буфетчица, как Мадонна,
Плывет за тележкой вслед.
В Черниговке будут раки,
Вареники — в Пологах,
За Юрьевкой вспыхнут маки
На тонких своих ногах.
И было бы все так просто —
Буфетчица, раки, зной...
Так нет же, нам мало роста
В обыденности такой!
Мы будем с тобой копать
В природе простых вещей,
А я бы не прочь остаться
Профессором кислых щей.

ОЖИДАНИЕ

В ожидании — вот в чем, милая,
Бесконечный разгул тревог,
Неприкаянность и уныние,
И безумие, не дай Бог.

В ожидании часто сходятся
Устье времени и исток.
И разлучница в нем, и сводница,
И попутчица, не дай Бог...